

Любовь и Чехов

текст: анна хрусталева, фото: ирина заргано

«Писатель в нем победил человека». Андрей Селиванов и Эрнест Орлов об отношениях Антона Чехова и Лики Мизиновой

партизёрский материал

В этом году в чеховском календаре сразу несколько юбилеев. 165-летие самого писателя, 135 лет его путешествию на Сахалин и 130 лет первому отдельному изданию книги очерков «Остров Сахалин». И есть еще одна круглая дата, имеющая непосредственное отношение к биографии Антона Павловича: 155 лет со дня рождения актрисы, переводчицы и мемуаристки Лидии Стахиевны Мизиновой, долгое время входившей в ближний чеховский круг и ставшей прототипом сразу нескольких его героинь. Что связывало Чехова и «прекрасную Лиду», были ли у их дружбы шанс перерасти в нечто большее и какие потаенные смыслы сокрыты в пьесе «Чайка», размышляют театральный и кинорежиссер, глава «Чеховского просветительского общества» Андрей Селиванов, продюсер Андрей Заруев и историк литературы, руководитель Дома-музея А.П. Чехова в Москве Эрнест Орлов.

— Позвольте начать сразу с главного вопроса: отношения Чехова и Лики Мизиновой действительно были исключительно дружеские или все же есть основания говорить о многолетнем трудном романе?

Эрнест Орлов: То, что происходит между двумя людьми, как правило, между ними и остается, но по характеру переписки Антона Павловича и Лидии Стахиевны, а она издана и сегодня доступна не только специалистам, все-таки можно сделать определенные выводы о характере их отношений.

По моим ощущениям, которые, в общем-то, совпадают с мнением старшего поколения исследователей, связь эта была глубоко дружеской — со стороны писателя уж точно. Да, в его письмах явственно прослеживается присущее Чехову шутовое, ироничное такое заигрывание: он Мизинову постоянно зовет — она откликается и приезжает. И что? И ничего! Потому в ответ она часто

просит отпустить ее, мол, вы же знаете, как я к вам отношусь, так не бередите моих чувств.

Андрей Селиванов: Именно поэтому я воспринимаю Лиду как глубоко трагического персонажа. И чем больше узнаю ее, тем лучше понимаю, что она реально любила Чехова всю жизнь, несмотря на связь с художником Левитаном и писателем Потапенко, которому она дочь родила. Любила с самой их первой встречи и сделала все, что было в ее силах, чтобы добиться ответного чувства: помогала Антону Павловичу с переводами, собирала материалы для его экспедиции на Сахалин, придумала совместное путешествие на Кавказ — даже билеты взяла. Так что в бездействии ее точно не упрекнуть.

Э.О.: К слову, о той первой встрече. Впервые Лидия Стахиевна появилась в доме-комодке, где сейчас на Садовой-Кудринской и располагается наш музей, в 1889-м — ее привела Мария Павловна, сестра Чехова.

А.С.: И Лика от смущения пряталась в передней среди шуб...

Э.О.: Так и было! И первым попал под власть ее красоты и обаяния вовсе не Антон Павлович, а младший брат Михаил. Его смешные детские вирши у нас хранятся:

*Лишь только к нам зазвóнит Лика,
Мы все от мала до велика,
Её слышав робкий звон,
Стремимся к ней со всех сторон.
Один из нас на низ сбегает,
Ее насильно раздевает.
Другой о дружбе говорит,
У третьего лицо горит.
Она наверх к сестре заходит,
О дирижере речь заводит,
У ней всегда он на уме;
А кто-то шепчет ей «jamais».*

Очевидно, что «лицо горит» у самого Миши, Лидия Стахиевна заводит речь о дирижере Петре Шостаковском, который часто бывал в доме, а вот это самое «jamais» — «никогда» — шепчет уже сам

Чехов, намекая, что ничего у нее с Петром Адамовичем не выйдет. Так мы раскрываем и тайну прозвища, которое нет-нет да мелькает в письмах Чехова: госпожа Жаме или мадемуазель Жаме.

— Неужели только на этом «шутливом топливе» отношения и держались все 10 лет?

Э.О.: Встречается в письмах Чехова один явно зашифрованный символ, слово-сигнал, которое действительно проливает на эту историю какой-то трагический свет. Помните рассказ «Крыжовник» 1898 года, где кислая мелкая ягода оказывается метафорой пошлости, которой обернулись большие мечты? Так вот, на протяжении нескольких лет тут и там, к месту и нет, летом, поздней осенью и даже зимой Чехов как бы между делом пишет Мизиновой о созревшем или, напротив, неуродившемся крыжовнике. Что это — призыв или намек на какие-то обстоятельства, понятные лишь им двоим? Мы никогда не узнаем, можем лишь предположить, что, вероятно, Чехов намекает на маниакальное стремление Мизиновой к «мечтаемой» любви и совместной жизни.

Л.С. Мизинова. 1889

А.С.: А мне кажется, у Чехова сквозь все шутики какая-то горечь проступает, будто он боится дать волю чувствам, всеми силами пытается от них защититься. «В Вас, Лика, сидит большой крокодил, и в сущности я хорошо делаю, что слушаю здорового смысла, а не сердца, которое Вы укусили. Дальше, дальше от меня! Или нет, Лика, куда ни шло: позвольте голове моей закружиться от Ваших духов и помогите мне крепче затянуть аркан, который Вы уже забросили мне на шею». Это разве не признание, пусть и замаскированное извечным сарказмом? Во всяком случае, признание в том, что он отлично осознает: между ними и правда происходит нечто, выходящее за рамки обычной дружбы.

— **Что именно привлекало Чехова в Лике, пусть, как вы утверждаете, и исключительно дружески?**
З.О.: В первую очередь, наверное, ее языковое чутье, которое он как писатель не мог не оценить. И чувство юмора, конечно, способность не только понимать его шутки, но и парировать их.

А.С.: Абсолютно согласен! Вот этот словесный пинг-понг, когда любая острота к тебе вернется, его наверняка заводил. Ну и красоту Лики я бы тоже со счетов не сбрасывал.

З.О.: И вот это нарушение принятых норм, характерное для сдвига эпох, которое потом сам Чехов и в пьсах, и в прозе

гениально покажет. Мало того что она, дворянка, запросто общалась с ним, потомком крепостных, так еще и вела себя зачастую не как девица из благородных, позволяя себе и крепкое слово, и рюмочку выпить, и папироску выкурить. Впрочем, о том, что она дворянка, Антон Павлович все равно никогда не забывал. И это, полагаю, его тоже останавливало. С актрисами было куда проще...

— **Вот Андрей Анатольевич упомянул, что Лика сделала все, чтобы добиться от Чехова взаимности. Возможно, в этом и была ее главная ошибка: не стоило так усердствовать?**
З.О.: Думаю, так и есть. Наш писатель, как и большинство мужчин, не выносил активного напора, притязаний на свою свободу, собственнического отношения к себе не терпел. И недаром говорил, что если ему и нужна жена, то как луна, которая будет лишь время от времени появляться на его небосклоне. Вера Федоровна Комиссаржевская в одном из писем упрекнула Чехова, что во время их последнего разговора он был с ней каким-то «спеленутым». Гениальное наблюдение, очень точно отражающее внутреннюю суть Антона Павловича.

А.С.: Я бы не ставил Лике в вину ее женский напор: она по духу была девушкой, «склонной к искусству», несколько экзальтированной, и по-другому не могла. Вся ее жизнь состояла из порывов: сначала хотела поступить на драматическую сцену — не получилось. Потом задумалась об оперной карьере — та же самая история. В результате вышла замуж за знаменитого режиссера Санина, так что ее страсть к театру и людям театра все-таки нашла выход.

З.О.: Любопытно, что Лидия Стахивна пробовалась в Московский художественный театр. Читала тургеневское «Как хороши, как свежи были розы» — тоже своего рода воспоминание о несбывшемся. И среди тех, кто оценивал ее выступление, была к тому моменту уже жена Чехова — Ольга Леонардовна Книппер. Своей золовке Марии Павловне

она после напишет, что видела Лиду, что та исполнила: «...вся шуршащая, вся громадная... чувствую себя такой плюгавкой перед, перед ней...».

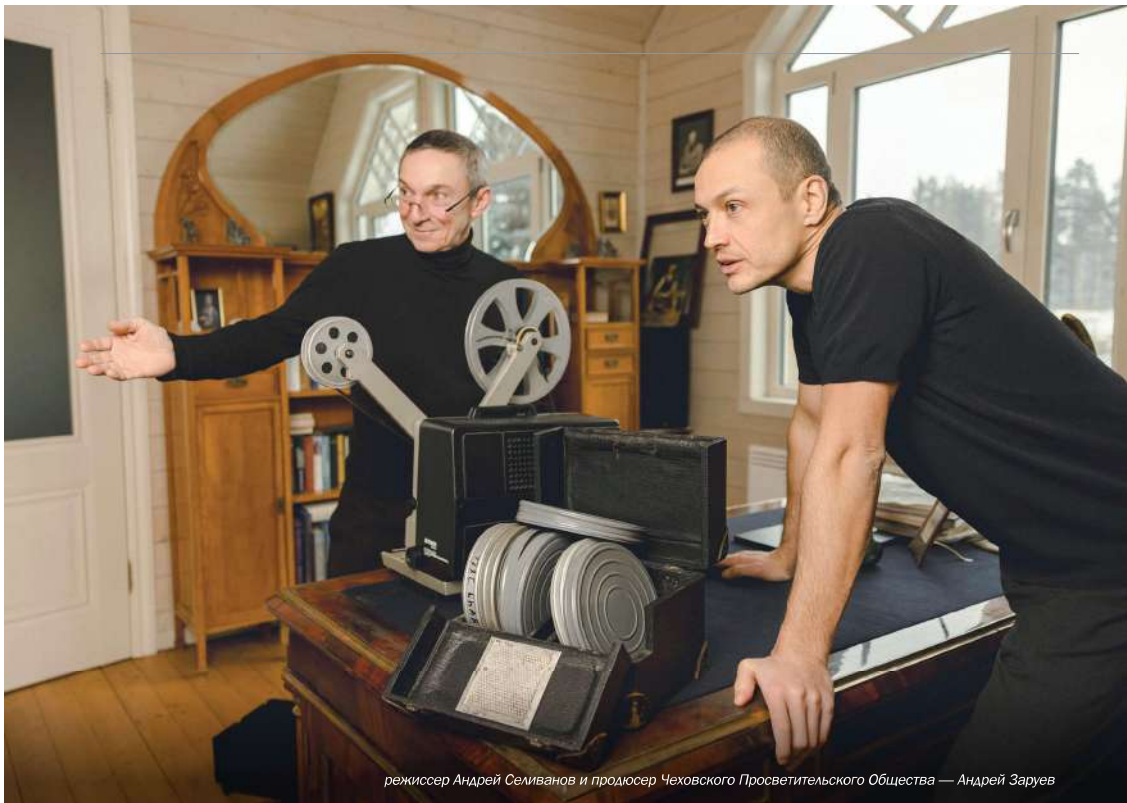
— **Согласитесь, что это неприкрытая ревность! Ведь все, знавшие Мизинову, отмечали ее невероятную красоту, и мы уже решили, что она и Чехова завораживала, особенно поначалу.**
А.С.: Татьяна Щепкина-Куперник называла ее Царевной Лебедью...

З.О.: Да, и этим словам о «пепельных выходящих волосах, чудесных серых глазах под «соболиными» бровями, необычайной женственности и мягкости» веры куда больше, чем ее же рассказу, записанному переводчиком Федором Федоровичем Фидлером, что, дескать, Чехов был влюблен в Мизинову и дважды просил ее руки. Очевидно, что это обычная сплетня.

— **Но дыма без огня не бывает! У Чехова был легион обожателей-«антоновок», но в массовом сознании остались два имени: Мизинова и Книппер.**

З.О.: А тут мы уже имеем дело с музейной мифологией. Взаимоотношения Чехова и Мизиновой — это же очень красивая и сложная история, связанная притом с одним из самых волнующих чеховских текстов — с пьесой «Чайка». А еще с «Попрыгуньей» и «Ариадной», хотя ее, к сожалению, меньше читают. И музейные пространства — и наше, московское, но главным образом мелховское — работали и до сих пор работают на этот миф. А создавать и всячески поддерживать его начали, кстати, еще мать и сестра Антона Павловича, которые любили Лиду и терпеть не могли Ольгу Леонардовну... А.С.: Я могу предположить, отчего Книппер все же победила Лиду. Сделать это помогает как раз «Чайка», пьеса во многом пророческая, где каким-то непостижимым образом Чехов даже смерть маленькой Христины, дочери Лики, предсказал.

Мы же как привыкли: писатель Тригорин — совратитель и законченный поддел. А давайте иначе посмотрим. Он влюбляется только в актрис и только когда видит их совершен-

режиссер Андрей Селиванов и продюсер Чеховского Просветительского Общества — Андрей Заруев

ную игру. Потому что она дает ему вдохновение. Отсюда его связь с Аркадиной и внезапно вспыхнувшее чувство к Нине, гениально сыгравшей свою единственную роль в пьесе Трелева. Одним словом, он испытывает чувства не к самой женщине, а исключительно к ее таланту. Вот о чем на самом деле эта пьеса — о любви как о единственном, подчас трагическом источнике творческой силы. А потому, когда Чехов увидел на сцене Ольгу Книппер в день ее 30-летия, 21 сентября 1898 года, вся история с Ликой, если все же предположить, что она была, закончилась разом, дальше длить этот сюжет было уже невозможно.

При этом я бы все же разделял Чехова-мужчину и Чехова-писателя. Первый, как

отметил Эрнест, бесконечно дорожил своей свободой и, повторяюсь, всеми силами пытался защититься от чувств. Второй видел в женщине источник творческой силы. И брак с Ольгой Книппер доказывает, что писатель в Антоне Павловиче все же победил человека...

— **Какими вы видите ближайшие шаги «Чеховского просветительского общества», идейным вдохновителем которого вы выступаете?**

А.С.: Думаю, правильнее будет переадресовать этот вопрос нашему продюсеру Андрею Станиславовичу Заруеву. Именно он курирует стратегическое развитие, взаимодействует с партнерами и занимается вопросами финансирования. Сегодня он

ведёт активные переговоры с представителями различных государственных и частных организаций, чтобы обеспечить поддержку нашим культурным инициативам.

Андрей Заруев: Среди наших приоритетов — дальнейшее раскрытие малоизвестных сторон личности и наследия Чехова. Не только через театральные и кинопроекты, но и в формате образовательных, научно-популярных и документальных программ. Мы стремимся говорить о Чехове не как о памятнике, а как о живом мыслителе и человеке. Надеемся, что эта работа найдет отклик у исследователей, педагогов и всех, кто заинтересован в глубоких и содержательных формах культурного просвещения.

